
Цена 5 коп.
Прочти, товарищ!
И. Е. Федотов
49 дней
в океане
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

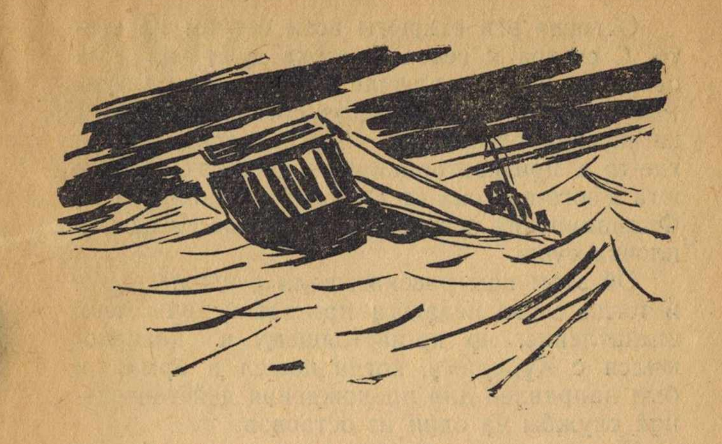
И. Е. ФЕДОТОВ

49 ДНЕЙ В ОКЕАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ"

Москва 1961

СОДЕРЖАНИЕ

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ НАШИХ ОСТРОВАХ

Так поется о Курилах в песне. Они протянулись дугой от японского острова Хокайдо до мыса Лопатка — южной оконечности Камчатки. Это несколько десятков каменистых глыб, поднявшихся в незапамятные времена. Но ученые считают их молодыми. Острова и по сей день продолжают формироваться и потому землетрясения на них — не редкость.

Острова эти открыты всем ветрам на свете. С севера и северо-востока дуют на них свирепые норды, колючие и беспощадные, южные ветры — зюйды несут снег и туманы, и гигантские океанские волны, зародившиеся где-то в приэкваториальных широтах. Ведь с юга и юго-востока от Курил до Манильских и Филиппинских островов нет больше ни одного клочка суши.

Об этом нам рассказывали в школе. Хотя и тогда слова педагога произвели на меня впечатление, но по-настоящему я познакомился с Курилами, когда пошел в армию и был направлен для прохождения действительной службы на один из островов.

Там я вскоре попал в экипаж баржи «Т-36», познакомился с Асхатом Зиганшиным, Филиппом Поплавским и Анатолием Крючковским.

Это славные парни, но если бы меня тогда спросили, чем они, ну хотя бы немного, отличаются от десятков других солдат, которые несли службу вместе с нами, я бы не нашелся что ответить. Впрочем, я и теперь не смогу дать исчерпывающего ответа на этот вопрос. Они — как все. И я уверен, что если бы не наша, а какая-либо другая баржа, — чего я от души никому из товарищей не желаю, — попала в те трудные условия, в которые по-

пали мы, я уверен, что вместо наших имен люди узнали бы другие. И те, другие солдаты, так же, как и наш экипаж, выполнили бы свой воинский долг так, как требует этого воинский устав.

Внимательный и вдумчивый, Асхат с первого дня знакомства показался мне увальнем. Но потом я увидел за его медлительностью глубокую уверенность в своих силах, а в молчаливости — скромность и сердечность. Да, именно сердечность. Если он хотел помочь кому-либо, то делал это без долгих рассуждений, без лишних слов.

Что касается Поплавского и Крючковского, то я сразу не смог найти в них что-либо отличное от других солдат. Ребята, как ребята. Дружные, хорошие товарищи. Тогда я вряд ли смог бы подобрать другие слова.

И в тот день, ставший поворотным в нашей судьбе, экипаж был занят своими повседневными делами. Как обычно, бесновался океан у прибрежных скал. Командир подразделения говорил, что грохот волн напоминает ему канонаду. Я не слышал и никто из нас не слышал грома пушек на фронте. И никто из нас не слышал канонады. Но должен сказать, что волны шумели внушительно. А когда время от времени океанский вал с особым гулом бил о скалы, то в камнях поднимался столб

воды такой величины, что, действительно, можно было принять его за взрыв. Таким, по крайней мере, показывают его в кино.

Но волны — это полбеды. А вот ветер... Он на Курилах особенный. Промозглый, он пробирает до костей. От него не спасает ни теплое белье, ни полушубок. Он забирается за ворот, в каждую щелочку одежды, и чувствуешь себя так, словно нагишом прогуливаешься по улице.

Два последних дня мы вдоволь нахлебались и волн и ветра: буксировали плоты. Они стояли на рейде. Но океан так разбушевался, что того и гляди растащит сплотки. А лес в наших местах дорог. Каждое бревнышко на учете. Вот мы два дня и таскали сплотки к берегу. Устали здорово. Не шутка — от зари до зари мотаться с одного пенного гребня на другой, осторожно подходить к плоту, что прыгает будто живой зверь. Того и гляди баржу выбросит на бревна да перевернет. А у берега тоже не легче — мели. Их видно по пенным бурунам. Океан в этих местах седой как лунь.

С заданием мы справились. Поставили самоходку у пирса. Ей предстоял профилактический ремонт.

Поплавский и Крючковский колдовали у моторов. И у пирса здорово болтало. Филипп

и Анатолий время от времени поднимались на палубу. Отдыхали. Напевали «Раскинулось море широко...». Мы с Зиганшиным приводили в порядок палубу, кубрик. Спешили. Была суббота, 16 января. Окончив работу, мы должны были попасть в баню. Вряд ли стоит говорить, что это удовольствие номер 1.

Правда, банька здесь не то, что у нас в Приморье. Зимой, как вытопят ее, отправляешься туда по снегу босиком, а в руках веничек дубовый шумит. А как накидают на раскаленные камни кипяточку, дух переймет. Тут, само собой, веничек распаренный в ход пускаешь. Хорошие парильщики — они не хлещут друг друга, а потрясут веничком вверху, прогреют его и этак легко проведут над спиной разок, другой, потом еще, еще. Веник едва спины касается, а жару от него — точно огоньком подпаливают, только ласково так. А как невмоготу станет — вон из бани. В снег. Покатаешься, пока не защемит кожу, и обратно на полок, да за веничек.

Нет, на Курилах баня не та. Но уже отказаться от удовольствия погреться тоже нельзя.

К вечеру ремонт и приборку закончили. Зиганшин доложил об этом по команде.

После бани отправились в кино. По правде говоря, смотреть фильм надо было идти Зиганшину, а не мне. Но уж такой человек Ас-

хат. Не мог он и на два часа оставить баржу без присмотра. Я не возражал. Старшему виднее, как поступить. И мы с Филиппом, козырнув, отправились в красный уголок, а Зиганшин с Крючковским на вахту, на баржу.

Смотрели мы с Филиппом фильм «В мире безмолвия». Очень он нам понравился. Всегда приятно смотреть фильмы про смелых и отважных людей.

Вышли из красного уголка — ни зги не видать. Хлопья мокрого снега чуть не по кулаку. Ветер уж не свищет — ревет. Да такой плотный, что плечом о него, как о стенку, опереться можно — не упадешь.

Еще в красном уголке все получили распоряжение от дежурного офицера, чтобы команды в полном составе находились на судах.

Отправились на «Т-36» и мы. Она стояла у «бочки», скрепленная тросами с баржей «Т-97». Добрались до дома мы с трудом, но без приключений. Пошли в машинное отделение греться. Да и надо было выполнить просьбу Асхата — рассказать со всеми подробностями виденный нами фильм.

Баржу кидало на волнах как мячик, но мы уже привыкли к постоянной качке и почти не замечали ее. Только изредка, по забывчивости, хочешь поставить ногу на палубу, а она юрк из-под ног. Приходится хвататься за что

попадя руками. Мы грелись в машинном отделении, и я рассказывал об аквалангистах, которые спускались на дно Красного моря, чтобы изучить его обитателей. А само море тяжело дышало за стальной стеной баржи и свирепело все более и более.

Я заметил, что Асхат слушает невнимательно. Его больше занимало поскрипывание буксирных канатов, все усиливающаяся качка. Как-то сам по себе рассказ о фильме оборвался. И теперь уже мы прислушивались к вою ветра в такелаже, к поскрипыванию тросов.

Вдруг баржа резко накренилась. Ударом молота отдался в корпусе удар. Наше суденышко резко метнулось в сторону.

— Трос лопнул! — негромко сказал Асхат. Но нам показалось, что он выкрикнул эти слова. Следом младший сержант скомандовал:

— Запустить моторы! — и выскочил из кубрика.

Я за ним.

В кромешной тьме где-то вдали плясали золотые огоньки берега. Рядом, рукой подать, виднелся сигнальный свет «Т-97».

Асхат пытался подвести баржу ближе к соседке, отдать швартовы и удержаться около нее. Но волны одна за другой били в борта

нашей тридцатичетверки, с каждым мгновением отбрасывая нас все дальше и дальше.

Зиганшин приказал Крючковскому связаться с соседней баржей и договориться держаться вместе. Договориться-то мы договорились, но осуществить этот план было выше человеческих возможностей. Нас растаскивал бушующий океан.

Потом и связь с соседями прекратилась. Младший сержант послал на берег радиограмму:

«Моторы работают на полную мощность. Боремся с ураганом и течением. Настроение экипажа бодрое. Старшина баржи Зиганшин».

Унывать мы, действительно, не унывали. Некогда было. Каждый работал за пятерых.

Асхат с трудом перекрикивал рев океана, но в голосе его не чувствовалось ни тревоги, ни растерянности. И в наших сердцах не было тревоги. Что могло случиться с нами, если товарищи рядом. Они не оставят нас в беде. В этом-то мы были уверены. От нас требовалось одно: выстоять при натиске урагана, выстоять, спасти судно, которое стало для нас единственным оружием борьбы со стихией.

И мы боролись.

Асхат повернул баржу на север, к песчаным отмелям. Это было самостоятельное и правильное решение младшего сержанта. Ра-

ция молчала уже с полчаса. Берег не отвечал. Посоветоваться нам было не с кем. Мы оказались предоставлены самим себе. Теперь наша судьба зависела от нашего опыта, нашего уменья бороться со стихией.

Я его не имел вовсе, но Асхат и мои товарищи не раз сталкивались со штормами.

Стоя рядом с Зиганшиным, я до боли всматривался в темноту. Впрочем, не совсем в темноту. В штормующем океане не бывает абсолютной темноты. Среди бушующей стихии рождается свой слабый неверный свет. Он идет от пены. Ее много. Она раскатывается в межхребетьях волн, вскипает на гребнях. Ее бледный свет повсюду.

Темная масса скалы встала из пены совсем рядом. Я сжал поручни. Казалось, через мгновенье поднявшая нас волна смаху ударит о скалу...

Но Асхат неимоверным усилием, всем своим существом повернул штурвал.

В следующую секунду скала мелькнула где-то сбоку.

ОДИН НА ОДИН

— Рацию! Во что бы то ни стало наладить рацию! — требовал Зиганшин.

И Крючковский старался. Асхат все-таки хотел посоветоваться с командованием преж-

де, чем выброситься на отмель. Да, пока это было просто невозможно сделать.

Моторы работали в полную силу, но восточный ветер отжимал нас от берега. Нам стоило большого труда держаться в виду земли. Сквозь разрывы в снежных зарядах, сменявших друг друга почти без перерыва, мы с трудом могли разглядеть черные скалы. Это радовало нас. Мы видели землю. Оттуда могла придти помощь.

Наконец удалось связаться с берегом.

Командование разрешило выброситься на песчаную отмель, если удастся. Мы получили метеосводку: ветер восточный — 30 метров в секунду. Временами 40—50 метров. Это был ураган, довольно редкий даже для этих мест.

Уже потом мы узнали, что попали в тайфун. Он зародился где-то в тропическом поясе Тихого океана и стремительно понесся на северо-запад, повернул к северо-востоку. Многие большие суда терпели бедствие в этом бурлящем котле. А нашей скорлупке приходилось совсем плохо.

Январь — февраль — время тайфунов. И мы попали, как говорится, в самую кашу.

В полдень 17 января ураган неожиданно переменил направление. Неожиданно для нас. Мы тогда еще не знали, что это было законо-

мерностью. Над нами прошел центр циклона, и ветер переменился на противный.

Баржу понесло в открытый океан. У моторов, даже если бы их стояло еще пять, даже если бы на месте баржи был корабль вдесятеро сильнее, все равно у моторов не хватило бы сил бороться с натиском сумасшедшего ветра и волн.

Наступила ночь. Тайфун неутомимо гнал наше судно все дальше от островов. Во тьме мы уже давно не видели ни маячного огня, ни огней створов бухты, ни золотых искр поселковых окон.

Снег чередовался с дождем. И порой становилось совсем непонятным, где ревущий океан: сверху ли, снизу ли. Все перемешалось.

Мы устали. Но и не думали сдаваться. Моторы работали. Судно жило. Помощь должна была прийти, если мы самостоятельно не сумеем выбраться из беды.

Наша уверенность в том, что нас ищут, не была пустой надеждой обреченных. Нас искали, искали упорно и настойчиво. Об этом мы узнали потом. Едва связь с нашей баржей была нарушена, на побережье вышли поисковые партии. Ведь мы сообщили на берег в последней радиограмме, что решили выброситься на берег. Всю ночь и весь следующий

день наши товарищи не покидали песчаной отмели, патрулировали вдоль берега. Они спасли с полузатонувшей баржи «Т-97» экипаж, оказали ему помощь.

Солдаты с «девяносто седьмой» ничего не знали о нашей судьбе с того момента, как баржи растащило.

И еще несколько дней патрулировали наряды по побережью, надеясь, что океан выбросит на отмель и нашу баржу...

Радисты всех береговых станций от Курил до Владивостока звали нашу баржу, напряженно вслушивались в мяукание и треск эфира, стараясь поймать наши сигналы. Они слышали, как громады — океанские суда сообщали о своих бедах. Капитан «Кузбасса» радировал: «Застигнут штормом. Волны смыли часть палубного груза, повредили грузовые стрелы и фальшборт».

«Сорвало и разбило несколько автомашин, закрепленных на палубе» — тревожно сообщал капитан «Находки».

Радисты знали, что это большие, готовые к борьбе с самой лихой непогодой суда, и радисты с еще большим упорством вызывали крохотную «тридцать шестую».

Но мы молчали.

Командование потребовало усиления поисков.

И еще мы надеялись, что утихнет ветер. Нас сносило в пять раз быстрее, чем выгребали моторы самоходки. В пять раз быстрее— это по расчетам Зиганшина. Ему можно смело верить.

Анатолий Крючковский почти не выходил из моторного отделения. В газу, при дикой качке, он выжимал из двигателей все, что можно выжать, и еще чуть-чуть.

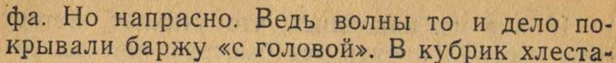
И вдруг наступила тишина. Тихо стало в моторном отсеке баржи. Тогда показалось, что рев волн и сила бури не достигали еще такой силы.

В кубрик вошел Анатолий. Он вытирал ветошью руки. Проговорил почему-то виновато:

— Горючее кончилось...

Зиганшин взглянул на часы. Было десять вечера. Двое суток уже боролись мы с бурей. Океан бросал баржу с волны на волну, словно с ладони на ладонь. Теперь мы были в его власти. Не целиком. Нет. Пока в наших руках баржа, пока океан не растреплет ее в щепу, мы будем бороться. Пусть попробует, пусть растреплет. Наша самоходка сделана руками советских рабочих. А они строят на совесть.

Снова попытались связаться с берегом, сообщить хоть приблизительное место дрей-

фа. Но напрасно. Ведь волны то и дело покрывали баржу «с головой». В кубрик хлестала вода. Она попала в аккумулятор. Он «сел», что называется.

Асхат впервые за два дня сел к столу, достал бортовой журнал и записал подробно обстановку, в которой самоходка стала дрейфовать куда-то к юго-востоку.

Поплавский вытащил из-под подушки газету. Это был номер «Суворовского натиска» за те дни, когда Советский Союз проводил испытания баллистической ракеты в районе Тихого океана. В газете была карта океана. Она стала нашим

единственным навигационным инструментом. Все остальные данные: скорость и направление ветра, скорость дрейфа и угол сноса, местоположение и направление, куда движется судно, предстояло делать на глазок.

Мы сидели в кубрике и молча смотрели, как командир делал запись в вахтенный журнал. Хотелось спать. Грохот тайфуна, вода, перехлестывающая через палубу, струи, забившиеся в кубрик, как-то уже не волновали, не вызывали ощущения опасности.

Мы очень устали.

Асхат оторвался от журнала:

— Вот что, товарищи. По одному в машинное отделение. Моторы еще не остыли. Обсушиться, погреться. Нам нужно много сил. Понятно?

Посмотрели мы друг на друга. Впервые заметили, что осунулись. Оледеневшая одежда колом стоит. Плохо. Асхат, действительно, прав. Моторы еще не остыли. Обсохнуть нам, ой, как надо было.

Настала и моя очередь. Никогда не думал, что перегоревший теплый запах масла так приятен. Я обхватил мотор руками, прижался к нему. Он был почти горячий, наш работяга-мотор. Не его вина, что не хватило горючего. Он трудился в полную силу, и что поделаешь, если океан оказался сильнее тех

лошадиных сил, которые были отпущены мотору конструктором. Да и сколько океанских сил пришлось на долю одной лошадиной!

И потом, мотор это только сталь. У нас четыре человечьих силы. Всего четыре. Но пусть все силы, вся мощь ветра и океана попробуют заставить нас сдаться.

Мы и спать решили пока в машинном отделении. Каждую каплю тепла старались сберечь. Упремся ногами в станину мотора, головой — в переборку — хорошо, не катает по полу, хоть качка при дрейфе стала очень сильной.

Трудно было представить, как «тридцать шестая» переносит этот сильнейший шторм. Ведь это совсем небольшое судно, рассчитанное на перевозку грузов вдоль побережья при волнении моря не выше четырех баллов. Его, говоря техническим языком, данные были таковы: длина по ватерлинии — 17,3 метра, высота борта — 2,06 метра, средняя осадка с полным грузом — 1,24 метра. Наибольшая длина трюма — 11,5 метра, ширина — 3,6 метра. Водоизмещение — около 100 тонн. На барже, развивающей скорость хода около 9 узлов, установлено два мотора. Для обеспечения непотопляемости судна на нем имеются междудонные и бортовые герметические отсеки, а также система трубопроводов и

ручной насос для осушения кормового отсека и моторного отделения. Для отдыха экипажа в кормовой части баржи оборудован небольшой кубрик.

Двое суток трепал нас ураган. Потом он стал выбиваться из сил. С северо-запада, как мы определили по слабым намекам солнца в тучах, катилась широкая и крупная зыбь. Такая погода показалась нам затишьем.

Мы спали в машинном отделении. Зиганшин нес вахту.

Нас разбудил его бодрый голос:

— Подъем! Обед готов!

Мы вскочили и оторопело смотрели на командира. Он, улыбаясь, балансировал на кренящейся палубе. В руках у него был котелок. Из него поднимался парок и удивительно вкусный запах картофеля и свиной тушенки.

Сон с нас как рукой сняло.

— Ай да Асхат, ай да молодец! — приплясывая, приговаривал Анатолий.

Я обнял Зиганшина за плечи.

Но лучшей благодарностью нашему Асхату был аппетит, с которым мы уничтожили сваренный им суп.

Потом, пользуясь относительным затишьем, мы стали подсчитывать запасы продуктов, имевшиеся на барже. Они хранились в куб-

рике, но во время шторма картошку и консервы разбросало.

Мы стали собирать катавшуюся по полу картошку. Набрали почти два ведра. Нашли две банки тушенки и банку сала. Ползая на коленях, словно старатели, собирали по зернышкам пшено и горох. Наскребли почти килограмм. Нашли пачку чая и кофе.

В то время мы почувствовали себя обеспеченными продуктами, хотя каждый понимал, что всего нашего «богатства» хватит от силы на две недели.

А сколько предстоит нам дрейфовать в океане? Мы находились вдали от больших морских путей. Корабли, даже рыболовецкие шхуны, редко посещают ту часть океана, куда нас отнесло течением и ветром.

— У нас нет пресной воды, — опечалился Поплавский.

— А двигатель, — воскликнул Крючковский. — В радиаторе есть вода. А еще моторист, — шутливо упрекнул товарища Анатолий.

Вода в радиаторе оказалась ржавой. Но и ее мы стали беречь как зеницу ока. И как-то поневоле мне вспомнился виденный в детстве кинофильм «Дети капитана Гранта». Там есть такой эпизод. После кораблекрушения герои плывут на плоту по океану. Нещадное тропи-

ческое солнце обжигает их. Паганель, мучаясь от жажды, умоляет дать ему воды. А кругом безбрежный океан горько-соленой воды.

Я рассказал об этом товарищам. С той поры ни к чему мы не относились так бережно, как к воде.

По карманам собрали с полсотни спичек. Под конец дня закончили «дровозаготовки». Собрали все, что могло гореть: доски от ящика, спасательный круг, тряпки, обрывки бумаги.

— Ну вот, — начал Зиганшин, когда на барже не остался не обследованным ни один уголок. — Вот все, что у нас есть. Штуками картофель будем считать. Крупу по ложке. Хватит, я думаю, недели на две. Но коли в ближайшие дни станет ясно, что помощи не будет... придется урезать.

Мы молча выслушали командира. Он был во всем совершенно прав. Ни у кого не возникло даже мысли о споре.

Впрочем, спор был. Мы сгоряча пытались слишком занизить и без того скудный суточный рацион. Но Асхат доказал нам, что этого делать не следует. Мы можем сразу сильно ослабнуть. Порешили, что в день на каждого приходится три картофелины, две ложки крупы и две ложки свиной тушенки. Обед варит вахтенный.

— Теперь главное, — сказал Зиганшин, доставая из кармана гимнастерки завернутые в прорезиненную ткань документы, — вот солдатская книжка, вот комсомольский билет. У всех целы? Не подмокли?

— Здесь не подмокнет! — хлопнув ладонью по карману, что против сердца, сказал Анатолий.

Как было тут сдержать улыбку.

Документы, действительно, у всех были в полном порядке, не подмокли.

— Что бы с нами ни случилось, — став строгим и требовательным, сказал Асхат, — кто бы и когда бы нас ни спас, — мы советские солдаты, боевая единица. Так и будем действовать, по уставу. Будем с честью выполнять свой воинский долг.

Мы поднялись без команды. Мы негромко повторили за командиром:

— Будем с честью выполнять свой воинский долг.

Эти слова прозвучали как клятва. И это была наша клятва.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Асхат выглядел очень усталым. Все эти штормовые дни он работал за семерых. Он успевал везде: и стоял за подвахтенного, и следил за моторами, пока они еще работали,

подбадривал нас. И еще мне казалось, что совесть его, несмотря на то, что он ни в чем не был повинен, не давала ему покоя.

Он мучительно искал ошибки в своих действиях командира, искал дотошно, беспощадно и, видимо, от души считал, что во всем случившемся где-то, как-то виноват он. Он беспокоился не только о нас. Стоя на подвахте, он однажды сказал:

— Подумай, Иван, как тяжело сейчас командиру нашего подразделения. Пропала баржа, пропали люди — ЧП. Ведь никто не знает, живы мы или нет. Цела баржа или потонула. А ведь он ночей не спит, думает. Да и все солдаты. Ищут нас, очень ищут. И не могут найти.

И ко мне приходили такие мысли, и другие беспокоились, что нехотя причинили огромное беспокойство, взвалили на плечи людей, которых любили и уважали, тяжелое бремя ответственности за нас.

На Курилах была создана оперативная группа по руководству поисками «Т-36». Поступил приказ: при малейшей возможности поднять в воздух самолеты, направить в океан корабли... Но по-прежнему неистово бушевал океан, по-прежнему завывала пурга. Однако, несмотря на штормовую погоду, в море вышел сторожевой корабль пограничников под

командованием капитан-лейтенанта Долгачева. Моряки, самоотверженно борясь со штормом, вели настойчивый поиск баржи «Т-36». Им удалось оказать помощь двум судам, терпящим бедствие, — траулеру «Павлоград» и рыболовецкому катеру с командой из шести человек. Но «Т-36» пограничникам обнаружить не удалось.

С нетерпением ждали улучшения погоды летчики. Как только несколько прояснилось, на одном из аэродромов сделали попытку поднять в воздух вертолеты, чтобы еще раз тщательно осмотреть побережье. Ветер был слишком силен, от этого плана пришлось отказаться. Но самолеты все же поднялись в воздух. Их экипажи вели поиск «тридцать шестой» в сложнейших метеорологических условиях. Капитан А. Тихонов, командир звена К. Чимбай, летчик второго класса М. Скрипников и другие вели разведку океана, углубляясь в него на весь радиус полета своих машин. За океаном велись неотступные наблюдения и техническими средствами.

Поиски еще более усилились, когда над океаном наконец проглянуло солнце. Солдаты, летчики, моряки — все горели одним желанием: не жалея сил, с риском для жизни, как можно быстрее прийти на выручку четырем солдатам, попавшим в беду.

Всем судам, находившимся в этом районе, было дано указание свернуть с курса и крейсировать в поисках нашей баржи.

Но снегопад и туман, океанские волны и бешеный ветер плотно закрыли нас. И несмотря на все усилия наших товарищей, мы оставались с океаном один на один.

Если бы мы могли хоть сообщить, что живы! Пусть бы спасение пришло нескоро. Но по крайней мере мы бы знали, что люди не будут думать о нас, как о погибших.

Мы тоже думали об этом, но Асхат высказал эту мысль вслух, как нечто наболевшее, глубоко выстраданное.

Когда наступило затишье, мы уговорили Асхата пойти отдохнуть. Он согласился.

Мы взяли багры, доски, что попало тяжелое под руки и стали скалывать лед с лееров, с бортов, с рубки. Едва перестал идти снег, как похолодало и брызги волн стали намерзать на металлические части судна. Час от часу ледяной панцирь становился все толще, тяжелее. Баржа начала сильнее крениться, грозя потерять остойчивость.

Мы боролись за плавучесть судна изо всех сил. Мы уже, право, мечтали о дожде со снегом. Тогда потеплело бы.

Низкие, тяжелые, наполненные влагой ту-

чи не заставили себя долго ждать. Нас догнала вторая волна тайфуна.

Ливень водяной пыли обрушился на судно. Мгновенно вспененные волны снова подхватили баржу, как щепку, и принялись швырять из стороны в сторону.

Зиганшин рассказывал потом, что его сбросило с мотора, ударило головой о переборку так, что он едва не потерял сознание.

Он выбрался на палубу, когда вокруг вновь ревел и стонал океан, будто и не было передышки. Ветер словно старался наверстать упущенное. Он точно мстил за часы отдыха, которые нам дал.

Огромные волны перекатывались через палубу. Они накрывали, как говорится, баржу с «головой» и нас тоже.

Мы спрятались в кубрик.

Прошло с полчаса, как вдруг дверь открылась и вместе с потоком морской воды в помещение ввалился мокрый до нитки Асхат. Оглядев нас, он счастливо улыбнулся.

— Все целы! А я кричу, надрываюсь. Нет никого не палубе. Не стану больше один спать. И не посылайте.

За грохотом волн и воем ветра мы не слышали криков Асхата. Как его самого-то не смыла волна!

Новый вал ворвался в кубрик. Вода пле-

скалась на полу, задерживаемая высоким порогом. Она грозила подмочить продукты.

Я предложил перебраться самим в машинное отделение и припасы туда перетащить.

Мы закрепили как только смогли бочонок с пресной водой и печку и с превеликим трудом перебрались в трюм. К счастью, мы выбрали удачный момент: баржа минуты две шла в ритме с волнами и не зарывалась.

— Она у нас сверхплавучая, — шутил, отряхиваясь от воды, Крючковский.

— Здесь и будем сидеть, пока шторм не утихнет, — сказал Зиганшин.

Так началось наше трюмное сидение. Дежурили мы строго по очереди. Старались как можно больше спать. Когда спишь, не так остро чувствуешь голод, если посчастливится — и во сне не увидишь чего-нибудь съестного: тот самый чудесный в мире солдатский суп или щи, которые повар полным черпаком наливает в объемистый котелок. А как пахнет этот суп. При одном воспоминании, даже во сне сводит скулы. А хлеб! Горячий, прямо из пекарни, с хрустящей корочкой и душистым мякишем. Хоть бы не есть, хоть бы только понюхать!

Мы не могли приготовить себе горячей пищи три дня. Шторм так свирепо трепал баржу, что нечего было и думать разжечь в куб-

рике печь. Стоило бы нам только выйти на палубу, как первая покрывшая баржу волна смыла за борт любого.

Поэтому мы и старались спать. Ложились рядышком, обнимали один другого, чтобы хоть немного согреться. Анатолий Крючковский справлялся с заданием «спать!» лучше всех. Я шутил, что если бы мы сдавали экзамены на медведей, то Анатолий получил бы пятерку с плюсом.

И так продолжалось три дня и три ночи. Мы почти ничего не ели. Нас выручала пропитанная морской водой буханка горько-соленого хлеба. Каждый получал в день по тоненькому ломтику, который, казалось, просвечивал насквозь, по ложке свиной тушенки.

Воду берегли больше всего. Пили по глотку в день.

На четвертый день нам показалось, что шторм стал вроде затихать. Но нам это, действительно, только показалось. Наверное, мы привыкли к грохоту волн и вою ветра.

Помню, мне рассказывали, что на фронте солдаты могли спать под грохот канонады.

Мы не вели метеорологических наблюдений, не знали толком, куда нас относит. Мы могли лишь предполагать, что северо-западный ветер тащит нас на юго-восток.

И еще мы знали, что нас крепко держит в

своих лапах «течение смерти» — куросиво. Оно тоже двигалось в этих местах на юго-восток. Значит, по сумме двух слагаемых — ветра и течения, основное направление нашего дрейфа — юго-восток.

Такой вывод нас успокаивал. Нас тянуло к большим океанским дорогам, где ходит много кораблей. И еще у нас была надежда, что нам попадется советское судно, возвращающееся из района испытания нашей баллистической ракеты. Это было бы похоже на сказку. Ну, а вообще любое судно пусть встретится нам. Закон моря одинаков во всех странах.

С тоской смотрели мы на погибший радиопередатчик. Мы были уверены — и не напрасно! — что нас упорно ищут, что стоит утихнуть урагану, стоит пройти снежным зарядам, сокращавшим видимость до десяти метров, как выйдут в океан катера, полетят над океанскими просторами самолеты.

Все будут искать нас.

И как-то уж так получилось, без просьб со стороны товарищей, я начал рассказывать о спасении челюскинцев, о молодогвардейцах, о Маресьеве.

Мы старались как можно меньше двигаться, и, лежа на полу машинного отделения, я негромко говорил. А товарищи слушали. За эти мои рассказы Асхат Зиганшин в шутку

назвал меня в беседе с одним американским корреспондентом «священником».

Утро наше начиналось с «врачебного» осмотра, который проводил Асхат. Он дотошно расспрашивал каждого, не простыл ли он, нет ли ломоты в теле, требовал показать зубы, не опухли ли десны, нет ли признаков цинги; щупал ноги, не опухают ли.

Нет. Все было в порядке. Мы не простывали, не опухали, а наши зубы при необходимости могли бы разжевать и железо, если бы оно было съедобным.

Откровенно говоря, наше здоровье не только от молодости, от хорошей сопротивляемости молодого организма. Среди нас не было человека, который не любил бы спорт. Хорошая закалка помогла нам в дни сурового испытания.

Асхат Зиганшин был неплохим спортсменом в подразделении. Он хорошо работал на турнике и брусьях, бегал и стометровку и на километровую дистанцию. Крючковский отдавал предпочтение тяжелой атлетике! Я часто видел, как он «баловался» двухпудовыми гирями, ловко поднимал штангу. Что касается Филиппа, то тот предпочитал гимнастику и акробатику. Занимался спортом и я.

Силы, накопленные исподволь в дни тренировок, теперь отдавали нам сторицей.

Наконец, океан снова устал. Утром 27 января сила шторма едва достигала четырех баллов. Для нас это приравнивалось к штилю. Наша баржа лениво взбиралась на водные хребты и скатывалась в межхребетья. Волны уже не перекатывались через палубу.

Мы вылезли из трюма подышать свежим воздухом, оглядеться. Но ничего не увидели. Липкий, вязкий туман накрыл океан.

Первым делом отправились в кубрик, проверить, целы ли бочонок с пресной водой и печь. Они не пострадали, хотя в кубрике океан похозяйничал, как хотел.

Тут, собирая раскиданные штормом вещи, Филипп вдруг вспомнил о гармони. Отыскали ее под койкой в сундучке.

— Смотрите! — обрадованно воскликнул он, — цела! Совсем цела. Вот только клапаны отсырели.

Прошелся Филипп по клапанам сверху вниз. Зазвучала гармонь. Сипловато заговорили басы.

— Простудились! — пошутил Анатолий.— А вот верха, те ничего.

Наконец мы могли сварить себе суп, поесть горячего. Снова занялись пересчетом и учетом продуктов. Пересмотрели рацион. Решили, что мы можем съедать по картофелине в день,

добавлять в похлебку по ложке крупы на каждого и по пол-ложки жира.

Дежурным по кухне был я. Вымыл четыре картофелины, разрезал их, положил в котелок крупы и стал варить обед. Стою, держу над огнем печки котелок, и вдруг, словно кто в бок меня толкнул. Вспомнился давнишний разговор с Анатолием. Говорил он как-то, что ему двадцать седьмого января исполнится двадцать один год. А сегодня как раз двадцать седьмое. Счетом дней у нас ведал Асхат. Он каждый день заполнял судовой журнал. Я спросил, чтоб не ошибиться:

— Какое число сегодня?

— Двадцать седьмое, — ответил Филипп.— Десять дней как болтаемся без руля и без ветрил. А что?

Стал я по стойке «смирно» и говорю по всем правилам:

— Товарищ младший сержант, разрешите доложить.

Удивился Асхат, да и Филипп с Анатолием посмотрели на меня с недоумением.

— Докладывайте, — тоже официально сказал Зиганшин.

— Сегодня, — говорю я, — Анатолию Федоровичу Крючковскому исполнился двадцать один год.

Смутился Анатолий:

— Какой там день рождения, — махнул рукой.

— Как какой, самый настоящий, — сказал Асхат. — Поздравлять будем. По всем правилам. А Ивану спасибо скажи, что напомнил. А то из-за этой штормовой кутерьмы чуть было про праздник не забыли. Не годится.

Асхат обнял Анатолия, поздравил, пожелал долгих лет жизни. Не остались в долгу и мы.

— В гости приглашай! — сказал Поплавский.

— Праздник так праздник! — весело воскликнул Асхат. — Удвоить норму по такому случаю.

Я с превеликим удовольствием быстро выполнил приказание командира. В бачке стало восемь картофелин и восемь ложек крупы.

Это было похоже на великолепное пиршество!

— Прими от нас подарок, Анатолий, — подумав, сказал Асхат. — Мы дарим тебе вторую порцию воды.

— Нет, — ответил Анатолий. — Спасибо за подарок. Разделим воду на всех. Один я пить не стану.

— Твой день рождения, тебе вместо торта воду дарим, — сказал Филипп.

Анатолий улыбнулся:

— Когда торт приподносят, его на стол ставят. Так вот и воду — на всех.

Сколько мы ни уговаривали Анатолия, он не сдался. Решили уважить его и поделить воду.

Каким ароматом наполнился кубрик, когда похлебка поспела! А какая она была вкусная! Ведь в ней сварилось восемь картофелин и восемь ложек крупы.

Мы так наелись, как не доводилось нам больше. А потом Филипп взял в руки гармонь. Голос у него приятный, и он спел «Тишину». Мы подтягивали:

Ночью за окном метет метель,
Белый беспокойный снег.
Ты живешь за тридевять земель...

Вспомнил я следующую строку: «И не вспоминаешь обо мне...», — не понравилась она, решил сходу переделать:

— И, конечно, помнишь обо мне, — пропел я громко.

— Правильно!

— Точно! — поддержали меня товарищи.

Пусть автор этого стихотворения простит нам вольность. Но иначе мы не могли. Мы не могли и мысли допустить, что нас забыли. Разве возможно такое? И дома, и в подразделении — всюду, во всей большой стране, пом-

нят о нас. Не сегодня, так завтра придет помощь.

Это так же верно, как биение наших сердец. Эта вера нерушима, как наша солдатская дружба. Пусть мы далеко от родных берегов. Но есть ли такие расстояния, которые могут отделить советских людей от Родины? Нет таких расстояний!

Мы пели.

Мы не чувствовали себя одинокими и заброшенными даже в капризном «течении смерти». Мы верили в жизнь.

Я помню на память запись в бортовом журнале, которую сделал Зиганшин.

«Погода не меняется, баржа продолжает дрейф при четырехбальном шторме. Все больше проводим времени в машинном отделении. Стараемся двигаться как можно меньше. Бережем силы. Погода становится яснее. Зона видимости расширяется. Дежурим на палубе по очереди днем и ночью. Обед готовим ежедневно. Питаемся по-прежнему раз в сутки. Строго выдерживаем норму... Продуктов осталось немного, на несколько дней. Выдержим? Выдержим!».

Да, вера в жизнь не покидала нас ни на минуту. Мы верили и боролись.

Мы знали — вера без борьбы бесплодна.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Как мы ни оттягивали этот день, он неминуемо должен был наступить, и он настал. 1 февраля мы выскребли и выполоскали горячей водой последнюю банку тушенки.

Топливо тоже кончалось. Остаток спасательного круга, несколько дощечек от ящика, клочки бумаги, что шла на растопку, — и все.

Асхат подолгу сидел в задумчивости. Мы тоже ломали головы над проблемой тепла, которое нам было так необходимо. В тепле меньше чувствовался голод.

Однако и на этот раз выход из положения нашел наш командир. И снова он был прост, и мы удивились, как это раньше нам не пришло в голову. Видимо, уж такой человек Зиганшин, что его беспокойная душа не знала отдыха и думы о нас неизменно приводили его к победе.

Прислушиваясь к всплескам воды в трюме, Асхат неожиданно спросил Крючковского:

— Толя, ведь трубка, которая подает горючее в мотор, не доходит до дна бака?

— Нет. Не доходит.

— Значит...

— Конечно! — воскликнул Анатолий. — Значит, в баке должно остаться горючее. Хоть немного!

— Точно! — подхватил Филипп. — Может, моторы прогреем.

Но немедленное осуществление замысла пришлось отложить. Помпа отказала. Анатолий обещал отремонтировать ее за день. И сдержал слово. Вечером помпа заработала.

На следующее утро я и Анатолий принялись откачивать воду из трюма. Мы работали два часа. Очень устали. Тело покрывалось неприятным холодным потом. Часто глаза застилала белесая пелена. Сердце билось где-то у гортани.

Но мы были уверены, что под водой, набравшейся в трюм, в баке есть горючее, которое даст нам тепло, согреет нас. Это придавало нам силы.

Потом у помпы стали Зиганшин и Поплавский.

Однако не прошло и часа, как помпа сломалась. На этот раз Крючковский только руками развел. Поломка была серьезной.

Я до сих пор не могу понять, как нам удалось ее починить. Но к вечеру помпа снова работала.

С утра смена за сменой принималась за тяжелый труд, который, право, под силу был только сытым и хорошо отдохнувшим людям. И все же мы не сдавались. Выбиваясь из последних сил, мы продолжали работать.

За день мы выкачали из трюма две трети воды. И только двое суток спустя, наконец, показалось дно трюма.

Отвернули крышку бака...

Оказалось, что весь наш труд был напрасен. В бак попала вода.

После этой неудачи мы почувствовали себя страшно усталыми. Настроение было отвратительное. Даже спать не хотелось.

— Где взять топлива? — этот вопрос неотступно вертелся в голове каждого. — Тогда, пусть не каждый день, но можно готовить горячую пищу.

Конечно, исключительность нашего положения оправдывала многое. Что нам стоило пустить на дрова палубу и обшивку стен кубрика. Но, честно говоря, мы не додумались до этого. Так же как человеку не приходит мысль сжигать свое жилище, так и мы берегли свою «тридцать шестую». У нас рука бы не поднялась ломать суденышко, которое спасло нас в самых тяжелых штормах. Мы очень любили свою баржу.

И снова Зиганшин нашел выход.

— Кранцы!

Мы не сдержались и прокричали «Ура!» в честь командира.

Четыре резиновых автопокрышки свешивались по бокам баржи. Кранцы предназначе-

ны для того, чтобы смягчать удары при подходе судна к пирсу, предохранять борта при буксировке.

В общем шторм не сорвал их.

Втащить автопокрышку на палубу — дело, с которым в обычных условиях каждый из нас справился бы без посторонней помощи, превратилось в непосильный для одного труд. Только взявшись вчетвером, мы едва смогли втащить кранец на палубу.

Еще труднее обстояло с разделкой кранца. Кухонный нож вряд ли годился для резания резины. Но выбора у нас не было. За несколько часов усиленной работы нож на два сантиметра углубился в край покрышки.

Однако яркое, хотя и с изрядным душком, пламя в печке было для нас заслуженной наградой.

Мы сварили себе «обед».

С того дня главным занятием всего экипажа стала разделка покрышки. Она требовала очень много времени и труда. А прежде всего сил. Их было мало. Они таяли.

Огонь в печке теперь поддерживали круглые сутки. Осталось двадцать три спички. Разве можно рисковать огнем. Он должен гореть. Он должен согревать нас, он должен давать нам похлебку или хотя бы теплую

воду. Тепло, тепло, оно значило для нас жизнь.

И хотя с половины февраля потянуло теплым ветром, он плохо согревал нас. Состояние озноба почти не оставляло нас. Оно проходило не надолго после того, как мы поедим теплой похлебки, а потом возвращалось и колотило мелкой противной дрожью.

— Это не только от голода, — заметил Зиганшин. — Мы мало бываем на свежем воздухе. Переберемся в кубрик.

Легко сказать — переберемся. Нам понадобилось несколько дней, чтобы привести его в порядок: вычистить матрацы, высушить одеяла, подушки.

Занимаясь хозяйственными делами, я не раз думал о том, что наша передислокация из машинного отделения в кубрик продиктована не только гигиеническими соображениями. Асхат преследовал еще одну цель.

Нашим врагом был не только океан, но и безделье. Как бы нам ни было трудно заниматься физическим трудом, но лежать в машинном отделении и смотреть в потолок, слушать журчание за бортом, бесконечное, утомительное, было еще тяжелее.

Работа помогала нам бороться с беспрестанными мыслями о еде. Порой они доводили до исступления. Невыносимо сутки ждать

обеда, пусть скудного, пусть голодного, но обеда.

За делом время шло быстрее. А шутка, без которой не обходилась работа, бодрила не хуже еды. Вечерами мы с надеждой рассматривали обрывок газеты с оттиском карты района, где проходили испытания баллистической ракеты. Нас не оставляла мысль, что корабли, возвращавшиеся из района испытаний, заметят нас.

А семнадцатого февраля Толя поднял нас криком:

— Земля! Земля близко!

Мы выскочили на палубу.

— Смотрите! Альбатросы!

Над баржей кружили птицы. Они то плавно парили, то ложились на крыло и косо скользили к волнам.

Мне пришлось разочаровать товарищей. Я-то хорошо знал, что альбатросы порой удаляются от берега на две тысячи километров. Альбатросы не вестники близкой земли.

И все же мы долго следили за полетом птиц. Это ведь были первые живые существа, которых мы встретили за месяц блуждания в штормовом океане. Кто знает, кто из нас, птицы или мы, первыми ступим на твердую землю, которая не будет норовить уйти из под ног, как палуба.

Потом в зеленой воде за бортом мы увидели стаю рыбешек. Вспомнили, что в трюме есть сеть. Пошли за ней. Быстро двигаться мы не могли. Отыскали ее, привязали грузило, забросили.

Мы уже чувствовали запах ухи, как вдруг шальная волна выскользнула откуда-то, прокатилась по палубе, вырвала веревку из рук Асхата. Сеть утонула в океане.

Решили смастерить «спиннинг». Отыскали шпагат. Вырезали из жестяной банки подобие блесны, с загнутым гвоздем вместо крючка.

Терпеливо закидывали свое изобретение. Рыба не клевала. Она даже не обращала внимания на тусклый кусочек жести.

Вдруг с левого борта мелькнула быстрая тень.

— Акула! — сказал Филипп.

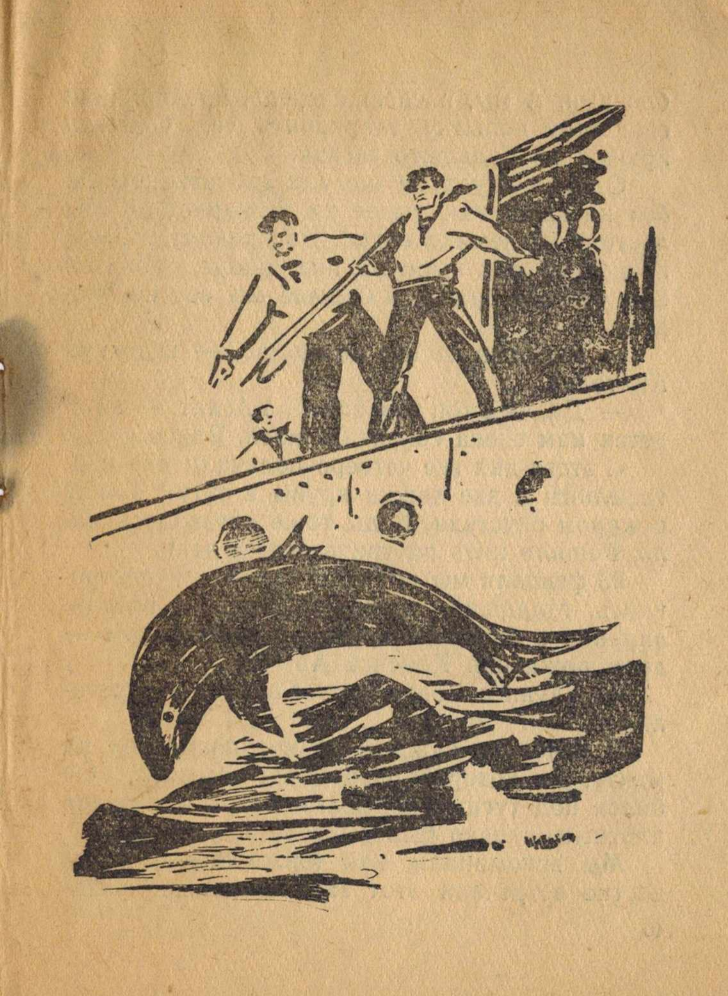
По старым морским поверьям акула около терпящего бедствия судна — плохой признак. Но нам не пришло в голову предаваться столь мрачным мыслям. Акула — рыба. А мы очень хотели есть.

Асхат схватил багор, долго выжидал, пока хищница повернется поудобнее. Метнул.

Мимо...

С рыбалкой нам просто не везло.

Акула долго крутилась около баржи. Очевидно, у нее была надежда полакомиться от-

бросами. А мы, в свою очередь, предприняли еще одну попытку заарканить ее. Сделали крючок из большого гвоздя.

Однако акула не желала глотать крючок без насадки, как мы ее ни уговаривали. Мы льстили ей немилосердно. Но проклятая рыба последний раз нырнула под днище, показав нам белесое брюхо, и больше мы ее не видели.

— Рыбаков из нас не вышло, — вздохнул Анатолий.

— Да, — в тон ему заметил Асхат. — Придется нам снова сократить паек. Вдвое.

С этого дня все четверо получали две картофелины и две ложки крупы в сутки. Банка с жиром опустела. Воды тоже оставалось мало. Решили пить по три глотка в день.

23 февраля мы поднялись с коек и построились. Младший сержант Зиганшин поздравил нас с большим воинским праздником — днем рождения Красной Армии.

— Служим Советскому Союзу! — ответили мы.

И невольно каждый из нас посмотрел на мачту, на которой развевался вымпел. Он бился под тугими порывами ветра и казался плотным, словно был вырезан из стали.

Мы вспоминали, как торжественно и радостно встречали этот замечательный празд-

ник в части. День начинался чтением приказа министра обороны. Потом командир части зачитывал приказ, в котором выносились поощрения и благодарности отличникам боевой и политической подготовки. Потом приезжали шефы, был торжественный обед...

День Советской Армии... Мы решили отметить его обедом. Решить-то решили, а отмечать нечем! Можно было в последний раз сварить «суп». Но Зиганшин сказал:

— Суп мы варили вчера. Давайте растянем праздник. Давайте сегодня покурим, а пообедаем завтра.

Мы согласились. Зиганшин скрутил цигарку, и мы по очереди покурили. Это был наш последний табак.

Последний «обед» мы сварили 24 февраля. Продуктов больше не было.

А 25 февраля Филипп, не говоря никому ни слова, долго возился со своей гармонией. Потом он поднялся, протянул кусочки кожи Асхату и сказал:

— Может попробуем. Если разварить... Слышал я, что и ремни люди едят.

— Спасибо, — растроганно сказал Асхат. — Гармошку жалко. Да что делать. Я вот тоже подумал — не попробовать ли головки сапог.

Зиганшин снял сапоги и стал спарывать с

керзы тонкий ремешок с голенища. Мы хотели последовать его примеру, но Асхат скомандовал отставить:

— Испытать надо.

Часа три варил он кожу в морской воде. Время от времени вынимал, пробовал на зубок.

Мы глотали слюнки. Нам Асхат не разрешил есть кожу.

— Заболею, так один, а не все, — заметил он.

Шли часы. Но, по уверениям Асхата, кожа не разваривалась. Разгрызть ее было невозможно. Тогда Зиганшин предпринял новый эксперимент. Он стал обжаривать кожу. После обжаривания кожу было можно грызть. Она хрустела у Асхата на зубах.

— Вкусно? — спросил Анатолий.

— Не беф-строганов, но есть можно, — заключил Асхат.

Потом он сходил в трюм, принес в банке солидол и, сохраняя невозмутимое выражение лица, обмакнул кожу и съел.

Зиганшин определил продолжительность эксперимента — сутки. На другой день он чувствовал себя хорошо.

— Ну, вот, — сказал он, — в нашем меню теперь есть баранина от гармошки и говядина от сапог. Не так уж плохо.

Мы без сожаления расстались со своими сапогами. На ноги надели валенки.

Ходить теперь не приходилось. Очень кружилась голова. Даже «обед» варили лежа. Асхат особенно здорово навострился готовить кожу. У нас она не бывала такой мягкой и вкусной.

И снова был сильный шторм. Нас мотало немилосердно. Слабость от качки заглушала голодные боли. Асхат предложил попробовать починить приемник. Принялись за дело с ожесточением. Три раза разбирали и собирали рацию.

Наконец я услышал слабые звуки в динамике.

— Слышу!

Затаили дыхание. Невнятная нерусская речь. Говорили по-японски. Через несколько минут рация замолчала. Аккумуляторы «сели» окончательно.

Когда закончился шторм, вылезли на палубу и лежали, внимательно вглядываясь в горизонт. Я читал «Мартина Идена» Джека Лондона. Те места, где говорилось о еде — пропускал. Товарищи слушали с охотой. А мне было очень приятно читать им книгу о сильном и мужественном человеке, который шел к цели сквозь поражения и разочарования и добился своего

Потом пели. Сначала негромко.

Верно странно было бы посмотреть на нас со стороны, небритых, изможденных парней, поющих лирические «Подмосковные вечера», «Амурские волны». Вечер песни закончили «Варягом». Его мы исполнили в полный голос.

В который раз вспомнился дом. Я подумал, что Ирина, наверное, уже родила сына. Обязательно сына. Ведь мы с ней и об имени договорились. Александром, в честь Суворова решили назвать. Вот спасут нас и увижу своего мальчонку. Возьму его на руки, подброшу к потолку. А он мне улыбаться будет, смотреть на меня своими голубыми глазенками.

Теперь уже скоро.

Не случайно же у баржи появилась акула. Она подтвердила наши догадки, что «Т-36» относит к югу, к большим океанским дорогам.

У меня дух захватило. Я протер глаза. Нет, темное пятно на горизонте не исчезло. Приподнялся на локтях.

— Ребята, посмотрите. Вон туда. Видите?

Я все еще думал, что пятно мне пригрезилось.

С резвостью, на которую были способны, бросились к борту.

Асхат схватил сигнальный флаг и стал размахивать им.

Мы очень хорошо видели силует иностранного военного корабля.

Нас не заметили. Или не обратили внимание.

Судно прошло мимо и скрылось за горизонтом.

У нас стало светлее на душе. Мы вышли на океанскую дорогу. Пусть нас не заметило это судно. Не сегодня-завтра появится второе, третье. Надежда на скорое избавление из океанского плена придала нам бодрости и сил. Решили установить круглосуточную вахту на палубе. Радовал нас и ветер. Он изменился на южный. Стало теплее, и погода была хорошей. Она обещала удержаться надолго.

Ночью нас разбудил крик Филиппа·

— Корабль!

Мы выбрались на палубу. В темноте ярко мерцали золотые огоньки. Казалось, они совсем рядом, рукой подать.

Зиганшин стал подавать фонарем сигнал бедствия: три тире, три точки, три тире.

— SOS! — кричал свет.

— SOS! — шептали мы про себя.

На мгновение нам показалось, что баржу заметили.

Но корабль уходил. Огни пропали в ночи.

Темный горизонт стал угрюмо пуст.

Я услышал случайно разговор между Зиганшиным и Крючковским:

— Сколько еще продержимся? — тихо спросил Анатолий.

— Пока акулу не поймаем, — ответил старшина, — а когда поймаем да пообедаем, тогда ты меня еще раз спроси. Ответ будет точным.

Так начинался сорок девятый день нашего дрейфа в океане.

Утром, в который раз, пересчитали скудные запасы «продовольствия». По нашим расчетам кожи от сапог могло хватить еще недели на две. Воды оставалось полчайника. Тоже дней на десять.

Филипп Поплавский сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с Международным женским днем — 8 Марта. Завтра будет пятидесятый день нашего плавания. Есть предложение, старшина, выдать к обеду по добавочному куску «сапожатины»...

Поплавский был прав только наполовину. Шел действительно сорок девятый день нашего дрейфа, но это было седьмое, а не восьмое марта. Мы забыли, что нынче год високосный и в феврале было не 28, а 29 дней.

Пообедали. Согласно распорядку дня, пошли отдыхать. Дремали.

В середине дня с палубы послышался крик Анатолия:

— Корабль! Корабль на горизонте!

Выбрались из кубрика. Стали вдоль борта. Махали руками.

Неужели и это судно пройдет мимо. Сколько можно испытывать наше терпение! Третий раз мы видим корабль! Третий раз люди проходят в нескольких милях от нас. Третий раз помощь не приходит.

И снова судно ушло за горизонт. Мы остались на палубе. В кубрик идти не хотелось. Так и стояли, прислонившись к палубным надстройкам. Не сводили глаз с пустынного горизонта.

Серый стальной океан, серые свинцовые облака.

Но что это?

Вдруг Зиганшин крикнул:

— Моторы! Самолеты!

У меня уже давно гудело в голове, звенело в ушах, и поэтому я не поверил. Подняв с койки голову, недоверчиво прислушивался и Анатолий Крючковский. Но Зиганшин был уже на палубе.

Да, это были самолеты! Их пилотировали, как мы потом узнали, американские летчики Глен Конрад и Дэвид Мерикл. Самолеты сделали над нами круг и улетели. У нас уже так ослабло зрение, что мы тогда не смогли рассмотреть их опознавательные знаки.

Через некоторое время над нами появились два вертолета. Когда они опустились ниже, мы поняли, что это американцы. С вертолетов на катер опустили стальные тросы. Но мы знаками показали пилотам, что остаемся на барже. Дело в том, что мы успели посоветоваться и решили, что раз вертолеты прилетели так быстро, значит, где-то близко земля или авианосец. Мы не хотели оставлять нашу «тридцать шестую» в открытом океане и надеялись, что нас поймут и пришлют за нами катер, который и возьмет баржу на буксир.

Вскоре появился большой корабль. Это был авианосец «Кирсардж». С его борта крикнули дважды по-русски:

— Помощь вам!

— Держать документы под рукой! — приказал Зиганшин. — Действовать как один.

Мы экипаж самоходной баржи. Мы советские солдаты. И вести себя, как подобает советским солдатам.

Мы молча кивнули.

— Вот и спасение, — сказал Анатолий.

— Иначе и быть не могло, — заметил Филипп.

— Прощай, «тридцать шестая», — и Асхат ласково погладил обшивку баржи.

— Ты была пятой, — добавил я.

— Иди, Филипп, — приказал Зиганшин.

Поплавский, пошатываясь, подошел к петле, влез в нее. Она пришлась ему подмышками. Его подтянули наверх, в геликоптер.

За Филиппом на борт геликоптера был поднят Крючковский, за ним я.

Асхат, как и полагается старшему на судне, покинул баржу последним.

Видимо, от волнения меня оставили силы. Смутно помню, что кто-то искал на моей руке пульс. Помню, что я почему-то просил сперва курить, а потом уже пить. Помню, как обожгла рот первая ложка бульона.

Так мы очутились на борту американского авианосца «Кирсардж». Команда корабля отнеслась к нам очень тепло. Нам была оказана необходимая помощь.

Мы быстро набирали силы. Врач авианосца Фридерик Беквик только головой качал от удивления на нас, «русских парней». Он говорил, что «ни один наш матрос не выдержал бы такого испытания».

Посетил нас и командир авианосца командор Роберт Тоунсенд. Он интересовался нашим здоровьем, спросил, что мы хотим.

— Мы благодарим вас, весь экипаж за оказанную нам помощь. Мы очень довольны тем, как к нам здесь относятся. Но мы хотели бы как можно скорее возвратиться на Родину, — ответил Зиганшин.

— Сделаю все от меня зависящее, — ответил капитан.

И дальше я хочу рассказать об американских моряках. Мы никогда не забудем врачей с авианосца, и прежде всего доктора Фредерика Беквита. Мы узнали потом, что его называют «самым милым доктором». Действительно, этот добрый, внимательный и отзывчивый человек заслуживает такого имени.

Всегда будет в нашей памяти образ повара Райфорда. Чтобы доставить нам удовольствие, он по поварской книге впервые в своей практике приготовил украинский борщ и пельмени. С ним добровольно соревновался авиа-

ционный механик Гетман, который однажды в свободное время, ночью, приготовил для нас украинские галушки.

Василь Гетман родился в Америке в семье украинцев, покинувших родину в 1913 году. С трудом он вспоминал украинские слова, все свободное от службы время проводил с нами. Он плакал навзрыд, когда прощался с нами в Сан-Франциско.

Когда мы стали поправляться, моряки с «Кирсарджа» устроили для нас концерт самодеятельности — пели свои песни, выколачивали чечетку...

Американские моряки не скрывали, что они восхищены дружбой между нами — советскими солдатами. Снова и снова они спрашивали: «Неужели вы ни разу не поссорились? Неужели никто из вас не сделал лишнего глотка воды?»

Американских врачей поразила наша выносливость. Они то и дело исследовали нас, брали анализы, делали рентгеновские снимки и только удивленно разводили руками.

Испытания все остались позади, и в эти дни мы жили одной мыслью — скорей, скорей на Родину. Мысли наши все время обращались к нашей Родине, к родным, к боевым друзьям из части. Признаюсь, что иногда сердце щемило: может быть, нас уже считают

погибшими? Может быть, уже плачут наши матери? Как хотелось крикнуть нам через весь океан так, чтобы услышали на Родине: «Дорогие наши, мы живы! Ждите нас, не сомневайтесь в нас!»

В один из дней нас разбудил посыльный дежурного офицера и пригласил пройти в радиорубку. Нам сказали, что корреспондент «Правды» Борис Стрельников из Нью-Йорка вызывает нас по радиотелефону. Это был первый голос Родины, донесшийся к нам. Мы узнали, что советские люди шлют нам свой привет и самые лучшие пожелания. Мы были взволнованы до глубины души.

В Сан-Франциско мы тепло простились с американскими моряками и стали гостями мэра города г-на Кристофера, который только что вернулся из Москвы. Он принял нас в первый же вечер, принял тепло, как будто мы были старыми знакомыми.

Отель, где мы жили в Сан-Франциско, буквально взяли в осаду американские журналисты. Они готовы были разговаривать с нами целыми днями, и только авторитет нашего врача Анастасии Николаевны Озеровой усмирял их пыл.

Мне хочется рассказать об одной встрече с журналистами.

Перебивая друг друга, американские корреспонденты забросали нас вопросами.

— Мистер Зиганшин, думали ли вы, что будете спасены?

— Были ссоры или драки?

— Как делили воду?

Асхат негромко, но внятно отвечал, что драк не было, что, наоборот, жили дружно, все делили поровну.

— Были ли разговоры о смерти? — добивался американский корреспондент.

— Нет. Мы о ней и не думали.

Один из корреспондентов газеты «Сан-Франциско кроникл» никак не хотел верить и вновь досаждал нас теми же вопросами о ссорах и драках.

Зиганшин с недоумением, но очень терпеливо разъяснял репортеру, что подобные случаи немыслимы на советских судах, немыслимы в коллективе.

— Что же вы за люди?! — не то спросил, не то удивился корреспондент.

— Обыкновенные, советские! — спокойно ответил Асхат.

После встречи с корреспондентами мы крепко обняли нашего командира в благодарность за чудесные слова о нас.

А в соседней с нами комнате, где жили советские журналисты, беспрерывно звонил

телефон. Это нам звонили из редакций московских газет, с Украины, с Волги, из Свердловска, из Ташкента... За один день не меньше чем двадцать человек из разных городов Советского Союза спешили сообщить в Сан-Франциско, что на Амуре у меня родился сын!.. А вчера — поверьте, товарищи, не могу говорить об этом без волнения — здесь в Америке, я увидел на фотографии, переданной из Москвы по радиотелеграфу, свою жену и сына Сашу...

16 марта мы знакомились с достопримечательностями города. Вернулись в отель вечером. Нас ждала великая радость. Нам вручили телеграмму от Никиты Сергеевича Хрущева.

Негромко, не скрывая своего волнения, читал Асхат текст:

«Дорогие товарищи!

Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский

народ по праву гордится своими отважными, верными сынами.

Желаю вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья и скорейшего возвращения на Родину».

Зиганшин кончил читать. Поднял на нас светлый взгляд. Стояла строгая, торжественная тишина. Будто прозвучала команда «смирно».

— Служим Советскому Союзу!

Домой! На Родину!

Как долог показался нам путь!

И вот мы на Внуковском аэродроме. Тысячи советских людей пришли встречать нас.

Трудно передать словами великое счастье человека — быть сыном своего народа.

Мне хочется закончить свой рассказ словами Асхата, его выступлением на Внуковском аэродроме, когда мы после более двухмесячного отсутствия снова ступили на землю Отчизны.

— Трудно говорить, когда душа и сердце переполнены волнующими чувствами и огромнейшей радостью по случаю возвращения на нашу Советскую Родину.

Прежде всего хочется сердечно поблагодарить Коммунистическую партию, Ленинский комсомол, нашу родную армию за то, что они

хорошо воспитывают советскую молодежь, учат ее не бояться трудностей, горячо любить свою Родину, быть всегда верной своему народу.

Передав сердечное солдатское спасибо товарищу Н. С. Хрущеву за большую заботу о советских людях, Асхат Зиганшин сказал:

— Там, в океане, в долгие дни дрейфа никто из нас и не думал, что произошло что-то необычайное. Мы выполняли свой солдатский долг, несли воинскую службу. Мы делали и поступали так, как поступил бы любой советский человек. Мы любим свою прекрасную страну, ее славное прошлое, героическое настоящее. Эта любовь помогла нам бороться со стихией, преодолевать неимоверные трудности.

Возвратившись на Родину, мы хотим еще раз поблагодарить американских моряков, которые пришли на помощь, всех тех американцев, которые проявили к нам внимание, заботу и теплое гостеприимство.

Самым большим нашим желанием было скорее возвратиться на Родину, оказаться среди советских людей, родных и боевых товарищей. Вот теперь мы дома. Большое вам спасибо, дорогие товарищи, за сердечную встречу!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эту книжку для серии «Прочти, товарищ!» мы договорились написать сразу же после возвращения. Но закончили работу над ней недавно.

Кажется, совсем немного времени прошло, однако в судьбе нашей четверки произошли большие изменения.

Зиганшин, Поплавский и Крючковский учатся сейчас в Мореходном училище в городе Ломоносове Ленинградской области. И живут они в одном кубрике.

Я остался на Дальнем Востоке. Тоже учусь в речном техникуме.

Как ни пробовал океан отучить нас от водной стихии, но мы решили и в дальнейшем посвятить свою жизнь морю.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ"
Всесоюзного общества
по распространению
политических и научных знаний

Автор
Иван Ефимович Федотов

Литературная запись **И. В. Фролова**
Редактор **Н. И. Коротеев**
Техн. редактор **Е. В. Савченко**
Корректор **Э. А. Шехтман**
Художник **А. Г. Ординарцев**

А03857. Подписано к печати 18/III 1961 г.
Тираж 50001—150000 экз. Изд. № 347.
Бумага 60×92 1/32 — 1,0 бум. л. = 2,0 печ. л.
Учетно-изд. 1,86 л. Заказ № 2260. Цена 5 коп.

Тип. изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл. д. 3/4.